

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С.В. КОНДРИЧИН

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ И ИТАЛИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЯВЛЕНИЯ

Социальные различия между севером и югом Италии давно известны и широко обсуждаются исследователями [2, 15, 17, 19, 22, 23]. В ряде работ была продемонстрирована дифференциация социальных и медико-демографических показателей российских регионов [8, 16, 25]. Указанные исследования преимущественно основывались на статистических данных, собранных по регионам России в конце XX столетия. Цель настоящей работы — изучение характера регионального распределения аналогичных показателей в начале нового столетия. Предполагается, что стабильность исследуемых региональных различий будет служить доводом в пользу существования долговременных механизмов исторической регуляции, или проявлением действия устойчивых структур истории (*longue durée*). Сопоставление полученных результатов с данными о поляризации социального пространства Италии допускает наличие общих черт в характере действия устойчивых исторических механизмов.

Со времени становления социальной статистики (то есть с конца XVIII — начала XIX вв.) фиксируется постоянство в распределении социальных и демографических показателей для отдельных регионов Европы. В работах пионеров социальной статистики (*moral statistics*) была очерчена сфера поиска причин, потенциально обуславливающих устойчивый характер различных региональных показателей: разводов, самоубийств, убийств и др. Их объяснение одновременно

Кондричин Сергей Вацлавович — кандидат социологических наук, врач-кардиолог Первой городской клинической больницы г. Минска. **Адрес:** 223040 Беларусь, Минский район, пос. Лесной, д. 27, кв. 24. **Телефон:** +375 (17) 265-18-98. **Электронная почта:** kandrycz@yandex.ru

позволило бы понять механизм формирования социальной разнородности и судить о ключевых этапах социогенеза¹.

В качестве основных были предложены социокультурные, медико-биологические и геофизические (климатические) объяснения устойчивости региональной дифференциации. Некоторые направления (как, например, этнокультурное) более или менее успешно пытались объединить отдельные компоненты перечисленных подходов. В то же время социо-экономические трактовки, которые, как казалось, должны были бы иметь доминирующее значение, не получили ожидаемой поддержки. Влияние экономических условий развития на демографические и медико-социальные показатели исследователями не оспаривается, однако результаты регионального анализа демонстрируют скорее парадоксальную зависимость — в странах Европы с более высоким уровнем экономического развития зачастую наблюдаются более высокие показатели общей смертности и смертности от самоубийств, более низкий уровень рождаемости и высокий уровень разводов [2, 22]. В медицинской научной литературе этот феномен получил название югославский [18], или албанский парадокс [14].

Устойчивая поляризация социальных показателей на оси север-юг, существующая на территории таких государств, как Франция и Италия, была положена в основу построения различных социологических концепций XIX в. Наиболее известным выразителем одной из них стал Э. Дюркгейм [2], который рассматривал упомянутую поляризацию как результат различия в темпах модернизации общества. Южные территории Франции и Италии, где сохранялись патриархальные устои и индустриальные преобразования проходили с заметным отставанием, противопоставлялись северным регионам, где процесс разрушения семейных, локальных и религиозных связей был более значим и нарастала социальная дезинтеграция и аномия, регистрировался более высокий уровень самоубийств. Современные исследователи указывают на существенные ограничения в использовании этой теории [13]. Так, с ее помощью трудно объяснить устойчивый характер региональных отличий сегодняшней Италии. Это государство вошло в число мировых индустриальных лидеров, и его внутреннее устройство претерпело существенные изменения, однако многокомпонентная поляризация социального пространства по-прежнему устойчиво сохраняется.

Другое объяснение региональных отличий сводится к антропобиологическим особенностям отдельных региональных популяций. Традиционно оно рассматривалось либо как альтернатива социокультурологическому подходу, либо как его составной или даже базисный

¹ Примечательно, что именно вокруг этой проблемы в XIX столетии формировался каркас современной эмпирической социологии. См. вводные части работ Э. Ноэль и Дж. Douglas [8, 13].

компонент. Антропобиологическое направление стало складываться в трудах итальянской научной школы XIX столетия, объединяющей медиков, антропологов и криминологов. В контексте рассматриваемой нами проблемы наибольший интерес представляют выводы, сделанные Г. Морселли. С его точки зрения, региональные различия уровня самоубийств обусловлены спецификой этноисторической конфигурации Франции и Италии; доминированием «германского» этнического субстрата на северных территориях и «романского» на юге [19].

Если исходить из предположений Морселли, число региональных признаков, обусловленных этноантропологической спецификой, может быть расширено, а с учетом потенциального влияния данного фактора на ментальность региональных популяций и на формирование устойчивых психофизиологических характеристик их количество будет неизменно расти. Противопоставление культурного и биологического в природе человека и общества не следует игнорировать, однако методологические ограничения не позволяют продвинуться дальше формулировки гипотез. Невозможность верификации является основным тормозом в научном обсуждении теорий эволюционного и исторического развития. Тем не менее, аккумуляция и последующий анализ региональных отличий неизменно заставляют обращаться к историческим особенностям регионов.

И социокультурный, и антропобиологический подходы не могут игнорировать формообразующего значения исторических факторов, поэтому историческая интерпретация региональных различий заметно нивелирует значимость причинного «антагонизма» между культурными и биологическими признаками. Проблема, главным образом, переходит в плоскость обсуждения генерирующих причин и механизмов исторического транслирования устойчивых признаков. В этом отношении наиболее интересны выводы представителей школы Анналов и концепция Ф. Броделя о существовании и формообразующем действии устойчивых исторических структур *longue durée* [11].

Исследования школы Анналов были сконцентрированы на изучении ментальных характеристик, демонстрирующих стабильность в историческом и географическом измерениях. В этом отношении неслучайно утверждение: «Чтобы понять значение перемен, зачастую необходимо изменить направление исследований и начать с изучения тех явлений, которые остаются неизменными» [24, p. 156].

Несомненно, сама идея существования невидимых связей между поколениями, обусловленных серийным воспроизведением ментальных структур в общественном сознании (и подсознании), не может считаться прерогативой школы Анналов. Прежде всего стоит вспомнить «осадки» В. Парето и «архетипы» К. Юнга. Однако неоспорима научная ценность трудов этой школы состоит в предложенном способе научной визуализации и операционализации действия устойчивых

укладов общественного сознания, проявляющих себя в ходе исторического развития. Прорыв в сфере традиционной исторической науки произошел благодаря использованию разнородных социальных показателей, поначалу преимущественно экономических, а впоследствии и других, включая показатели электоральной статистики, религиозной и семейной жизни [24].

Очевидным следствием такого подхода стало размещение устойчивых исторических структур в определенных границах географического пространства. Процесс исторического развития и географическое пространство, «занятое» под реализацию этого процесса, следует трактовать как цельный слиток времени и пространства. Именно поэтому феномен устойчивости действия исторических структур лучше всего наблюдать на примерах исторических территориальных делений.

Классический пример — регионализация территории Италии. Многофакторность поляризации южных и северных регионов этой страны находит отражение в данных экономического развития и политической жизни, особенностях культурной среды и антропологических характеристиках, демографических и медико-биологических параметрах (табл. 1).

Прежде всего обращает на себя внимание заметная устойчивость региональной поляризации. По некоторым показателям (рождаемость, уровень самоубийств) она прослеживается уже более столетия, и здесь речь идет об исторической обусловленности. В этом мнения большинства исследователей сходятся, разногласия касаются причинных исторических механизмов, в том числе определения того исторического периода, в котором впервые проявились формообразующие механизмы. Многие авторы стараются учитывать ограничения и избегают категорических суждений. Например Р. Патнем с соавторами подчеркивают, что причины различий в социальной активности населения на севере и юге Италии следует искать «начиная, *по крайней мере*, с XI столетия» [23].

Кроме того, представленное распределение свидетельствует о видимом диссонансе с некоторыми теоретическими постулатами. Так, регионы на юге страны, где более выражены многие критерии социальной интеграции Э Дюркгейма, «традиционно» демонстрируют меньший уровень гражданской активности и экономическое неблагополучие. И, наоборот, на севере, где наивысшие в стране показатели самоубийств, меньше религиозность и менее благоприятная демографическая ситуация, показатели экономического развития и гражданской активности выше. Отметим, что социологические теории нередко искусственно суживают спектр учитываемых характеристик (например, игнорируя действие антропобиологических факторов). Это приводит к искажению представлений о социальной реальности, основу формирования которой составляет взаимодействие разных по своей природе причинных механизмов (следует полагать, что сам «социальный факт» гетерогенен по своей природе).

Таблица 1

Характеристики южных и северных провинций Италии

Характеристики	Южные провинции (n=12)	Северные провинции (n=8)
Доминирующая традиция в общественной жизни	авторитарная	гражданская
Общественная активность	менее заметна	более выразительна
Религиозность	большая	меньшая
Особенности политической жизни		сепаратистские тенденции „Северная лига”
Уровень экономического развития	ниже	выше
Социальные показатели (1864–1876 гг.)		
Доля рожденных вне брака	4,67	6,37
Уровень самоубийств	ниже	выше
Социальные показатели (1981 г.)		
Безработица (%) *	10,8	5,6
Доля населения пенсионного возраста (1986 г.)	13,2	15,2
Рождаемость (на 1000 нас.)*	12,2	8,6
Число браков (на 1000 нас.)*	6,0	4,9
Самоубийства (на 100 000 нас.)*	4,6	8,5
Социальные показатели (1991 г.)		
Безработица (%) *	15,4	5,2
Доля населения пенсионного возраста	15,1	17,2
Рождаемость*	10,4	8,1
Число браков*	5,6	5,1
Самоубийства*	6,1	11,5
Социальные показатели (2001 г.)		
Безработица (%) *	13,7	4,2
Доля населения пенсионного возраста	18,3	20,2
Рождаемость*	9,0	8,6
Число браков*	4,6	4,0
Самоубийства*	6,4	8,7

* разница статистически значима ($p < 0.05$).

Источник: [19, 23, 17].

Istat data: Istituto Nazionale di Statistica (предоставлены Antonio Preti).

Характер распределения региональных показателей на территории европейской России рассматривался автором в предыдущих работах [6, 16]. Сравнительный региональный анализ проводился по 40 регионам (38 областей и два края) европейской части страны. Исключались данные по национальным автономиям и двум городам: Москве

и Санкт-Петербургу. В соответствии с географической зональностью были выделены три группы регионов: северная, центральная и южная (центральную группу составили регионы, находящиеся на широте Московской области). Были выявлены зависимость характера региональной дифференциации ряда социальных и медико-демографических показателей от географической зональности и комплексная полярность между северными и южными регионами.

Результаты сравнительного анализа региональных данных, полученных государственными статистическими органами в 2003 г., подтверждают устойчивость обнаруженной ранее полярности (табл. 2).

Таблица 2

Социальные и медико-демографические показатели трех групп регионов европейской части России (2003, среднее значение и стандартное отклонение)

Показатели	Группы регионов России		
	северная (n=12)	центральная (n=11)	южная (n=17)
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет)*	62,4 (1,1)	63,6 (1,1)	65,9 (0,9)
Смертность от несчастных случаев, отравлений, травм*	313,7 (36,9)	266,8 (32,7)	207,6 (40,6)
Смертность от случайных отравлений алкоголем*	57,9 (22,5)	40,5 (11,8)	26,0 (14,8)
Смертность от самоубийств*	47,1 (8,3)	37,5 (12,3)	28,9 (8,7)
Смертность от убийств*	33,4 (8,7)	30,0 (8,4)	20,1 (5,4)
Преступность* (на 100.000 нас.)	2127,5 (403,9)	1856,6 (557,7)	1572,1 (310,6)
Уровень безработицы (%)**	7,3 (1,7)	7,3 (2,1)	8,8 (2,1)
Население с доходами ниже прожиточного минимума (%)	26,8 (7,4)	31,6 (10,6)	27,6 (4,5)
Браки (на 1000 нас.)	7,2 (0,6)	7,4 (0,4)	7,6 (0,5)
Разводы (на 1000 нас.)	5,5 (0,7)	6,1 (1,2)	5,6 (0,4)
Рождаемость (на 1000 нас.)	9,7 (0,9)	9,1 (0,7)	9,4 (0,9)
Доля родившихся вне брака*	32,4 (6,2)	27,8 (3,1)	24,9 (3,0)
Доля проголосовавших голосов на выборах в Госдуму* за КППФ	9,8 (2,3)	13,1 (1,7)	16,7 (2,1)
Доля проголосовавших на президентских выборах 2004 г* за В. Путина	71,6 (4,4)	68,5 (2,6)	64,4 (4,0)

* различие между северной и южной группами статистически значимо, t-test, $p < 0.001$; ** $p < 0.05$.

Примечание: показатели смертности — на 100.000 населения.

Несмотря на то, что характер пространственного распределения показателей в основном схож с картиной, наблюдаемой в 1990-е годы,

имеются некоторые отличия. Так, на выборах 2003 и 2004 гг. в региональном аспекте никак не проявил себя такой специфический показатель, как голосование «против всех» (результаты не внесены в таблицу). Это ставит под сомнение сформулированные ранее предположения о значимости показателя протестного голосования для сравнительных исследований российских регионов на длительном историческом промежутке.

Представленные в таблице данные не позволяют исключить потенциальную значимость многих конкурирующих факторов, таких как особенности демографической структуры регионов, степень урбанизации, климатические условия, местные культурные традиции, специфика экономического развития и др. Однако, учитывая результаты исследований регионов России, Украины и Беларуси, можно утверждать, что выявленные региональные отличия представляют собой внутреннюю региональную характеристику, распространяются на все возрастные группы и не зависят от колебаний во влиянии внешних факторов [12, 10, 4].

Сопоставив характер региональной поляризации в европейской России и Италии, можно проследить наличие определенных аналогий в дифференциации социального пространства обеих стран. Так, в обоих случаях в северных регионах меньше показатели уровня безработицы, меньшее число браков и большее число рождений вне брака, более высокий уровень самоубийств.

Конечно, полного совпадения в пространственной ориентации показателей у таких отличающихся между собой народов, как итальянцы и русские, быть не может. Специфичность национального и регионального развития обуславливает возникновение неповторимой мозаики в распределении отдельных показателей. На примере северных регионов европейской России мы видим существование определенного фона, предрасполагающего к деструктивному поведению, которое проявляется в более высоких показателях общей смертности и меньшей продолжительности жизни, а также в высших показателях смертности от насильственных причин в целом и от самоубийств, убийств и отравления алкоголем в частности, более высоком уровне преступности и числе рождений вне брака. Говорить о существовании подобного фона применительно к северным регионам Италии нет никаких оснований. И если на севере Италии уровень самоубийств «традиционно» более высок по сравнению с югом, то показатели убийств выше на юге страны [21]. А случаи отравления алкоголем в Италии и вовсе чрезвычайно редки.

Любая попытка детализации и сопоставления региональных отличий для различных народов и государств будет методологически не корректной. В нашем примере мы проводим сравнение только общего направления в дифференциации социального пространства разнородных общественных систем. Главная цель подобного сравнения — предоставить дополнительные доводы в пользу существования устойчивых исторических

структур или рамок исторического развития (или *longue durée*), а также обсудить сущность действия этих структур (тут речь больше о широте их социальных проявлений).

Итак, во-первых, на территории европейской России и Италии наблюдается устойчивая дифференциация социального пространства, которое проявляется в различии распределения набора социальных, демографических и медико-биологических показателей. Направление дифференциации социального пространства в обеих странах совпадает, что выражается в полярности между северными и южными территориями.

Во-вторых, в обеих странах дифференциация социального пространства носит комплексный характер. Речь идет о таких разнородных показателях, как рождаемость, смертность, насильственная смертность, число рожденных вне брака, уровень безработицы и показатели электоральных предпочтений. Наличие однотипной пространственной конфигурации в распределении набора разнородных показателей позволяет предполагать действие глубинных формообразующих причин или наличие исторически обусловленного латентного фактора.

В-третьих, на территориях обеих стран существуют различные этноисторические регионы, причем наиболее значимые отличия касаются южных и северных регионов. Иными словами, как для Италии, так и для России характерна полярность в этноисторической композиции, при этом градиент региональных отличий расположен на оси север — юг. Особенности этнической композиции могут рассматриваться в качестве базисного компонента, определяющего формирование долговременных и устойчивых региональных отличий сразу по комплексу характеристик.

Известно, что население современной Италии неоднородно по своему этническому составу. На севере страны ощущается этноисторическое влияние древних народов, заселявших центральные территории континента (древних германцев, галлов и др.), тогда как на юге — влияние древних этносов, заселявших акваторию Средиземного моря. В ходе истории этническая гетерогенность проявлялась параллельно с разнообразием социальной и культурной среды. В течение столетий на территории современной Италии существовали различные политические системы и государства. Кроме того, можно говорить об устойчивых региональных культурных традициях. В значительной степени этническая регионализация Италии соответствует исторической, политической и культурной регионализации страны.

Подчеркнем, что пример Италии демонстрирует пространственное наложение проявлений региональной этноисторической специфики и многоплановой социальной дифференциации. Такое наложение не может свидетельствовать о какой-либо причинной связи, однако и не позволяет исключить ее возможность. Иными словами, есть основания для гипотезы о продолжительном влиянии этноисторического и антропологического факторов на устойчивость дифференциации социального пространства.

Пример России во многом подтверждает правомочность подобного суждения. В отличие от разношерстных в историческом аспекте регионов Италии социальная поляризация бывших регионов имперской и советской России выглядит во многом неожиданно. Решающее значение имеет тот факт, что направление поляризации — на оси север — юг также базируется на этноисторическом фундаменте. Это направление отражает характер распространения славянской колонизации на огромных территориях на северо-востоке Европы. В раннем Средневековье до прихода славян эти территории были заселены древними угро-финскими племенами (уральская этническая группа). В ходе колонизации славян произошел своеобразный «синтез» древних этнических групп. Значительная часть представителей угро-финского этноса слилась с пришлым славянским населением, вошла в сферу влияния русской культуры и государственности и была обращена в православие. Таким образом, сохранив свои этно-антропологические особенности, большая группа населения севера России стала русскими в национальном, культурном и политическом понимании.

Процесс формирования русской народности не является уникальным, он скорее служит подтверждением общих исторических закономерностей. «Исторический процесс, в результате которого возникают новые национальные структуры, неизменно протекает по следующим правилам: экспансия и проникновение цивилизаций и народов за пределы их предыдущего распространения; закат и дезинтеграция многочисленных народностей и их культур; развитие новых культурных форм, главным образом, за счет народов, не имевших до того своей письменности; и, в заключение, аналогичные преобразования уже существующих национальных сообществ» [13, p. 197].

Данные ряда археологических исследований свидетельствуют, что географическая зона наиболее интенсивных и продолжительных контактов между древними этническими группами в раннем Средневековье находилась на широте Московской и Нижегородской областей [9, 1]. Это означает, что выбранная нами центральная группа регионов европейской России соответствует географии ареала начального этапа славянской колонизации и расположена на изломе между двумя древними этносами.

Закономерен вопрос: почему проявления региональной поляризации России не манифестировали в социально значимых формах на протяжении ее вековой истории? Саму формулировку вопроса следует считать корректной только отчасти. Региональная специфика неоднократно проявляла себя в ходе истории, но она нередко подавлялась или стиралась авторитарной формой политического устройства, будь то период имперской России или советского правления. Тем не менее, можно говорить о том, что население южных регионов характеризует особый склад ментальности, который удерживает от поспешных социальных преобразований и часто

заставляет становиться в оппозицию реформаторским силам. Есть основания предполагать, что особые психологические характеристики популяции юга России влияют на частоту импульсивного поведения, содействуют формированию традиций «здорового консерватизма». В южных регионах находили пристанище противники петровских реформ, во время гражданской войны здесь сформировался очаг противостояния советской власти, а после ее развала на политической карте новой России образовался «красный пояс» [5].

Неправомерно сводить все основные проявления региональных отличий к событиям в политической сфере. Политическими средствами обычно манифестируют только региональные различия в кризисных ситуациях, при нормальном, сбалансированном функционировании государственной системы они должны оставаться латентными, потенциальными. Тем не менее, можно утверждать, что в течение длительного периода российской истории региональная дифференциация проявляла себя в культурной и социальной сферах. Вероятно, именно эти устойчивые различия позволили историку Н.И. Костомарову в конце XIX столетия говорить о существовании двух отдельных популяций русских: русских северных и русских южных [7].

Несомненно, набор рассматриваемых региональных отличий, отражающих полярность между севером и югом, можно было бы расширить, включив в него лингвистические, генетические, медико-биологические и иные характеристики регионов. Однако это не повлияло бы на сущность сделанных выводов и не предоставило бы дополнительных возможностей для их верификации.

Одним из доступных способов подтверждения сформулированных выводов является изучение зависимости между этноисторической композицией регионов и устойчивой дифференциацией социального пространства на примере других стран. Наибольший интерес представляют региональные особенности у соседствующих с Россией Украины и Беларуси [4, 3]. В то же время необходимо учитывать, что для большинства государств характерны своеобразие, разнонаправленность и мозаичность в проявлении действия устойчивых исторических структур. Многочисленные события истории (исторические травмы и миграция) приводили к изменению картины влияния первичных исторических механизмов, тогда как примеры Италии и России интересны именно однонаправленностью в дифференциации социального пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыдова Г.М. Современное состояние проблемы уральской расы: по самоэтнологическим материалам // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа: Башкирский научный центр УО РАН, 1992. С. 5-14.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. СПб.: Союз, 1998.
3. Кандрычын С. Нататкі да сацыяльна-дэмаграфічнага раявання Беларусі // Грамадзянская альтэрнатыва. 1999. № 6. С. 27–41.

4. *Кандрычын С.* Сацыяльная геаграфія і контуры гісторыі. 2005 [рукопісь].
5. *Клосов В.А., Криндач А.Д.* Исторические и естественно-географические предпосылки формирования политической культуры юга России // Политические исследования. 1994. № 6. С. 120-133.
6. *Кондричин С.В.* Региональная дифференциация электоральных установок, уровня самоубийств и смертности от насильственных причин: к вопросу об этногенезе социального поведения // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 98-117.
7. *Костомаров Н.И.* Бунт Стеньки Разина. Москва: Чарли, 1994.
8. *Нозль Э.* Массовые опросы: введение в методику демоскопии. М.: Прогресс, 1978.
9. *Седов В.В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.: Наука, 1970.
10. *Barrington L.W., Herron E.S.* One Ukraine or many? Regionalism in Ukraine and its political consequences // Nationalities Papers. 2004. Vol. 32. P. 53-86.
11. *Braudel F.* History and the social sciences: The longue durée // On History / Ed. by F. Braudel. Chicago: University of Chicago Press, 1980. P. 25-54.
12. *DeBardeleben J., Galkin A.* Electoral behaviour and attitudes in Russia: Do regions make a difference or do regions just differ? // Beyond the monolith: The emergence of regionalism in Post-Soviet Russia / Ed. by P. Stavrakis, J. DeBardeleben and L. Black. Baltimore: John Hopkins University Press, 1997. P. 57-80.
13. *Douglas J.D.* The social meaning of suicide. New Jersey: Princeton University Press, 1967.
14. *Gjonça A., Bobak M.* Albanian paradox, another example of protective effect of Mediterranean lifestyle // Lancet. 1997. Vol. 350. P. 1815-1817.
15. Italy's "southern question": Orientalism in one country / Ed. by J. Schneider. Oxford and New York: Berg Publishers, 1998.
16. *Kandrychyn S.* Geographic variation in suicide rates: Relationships to social factors, migration, and ethnic history // Archives of Suicide Research. 2004. Vol. 8. P. 303-314.
17. *Lester D.* Suicide in Italy: The north versus the south // Italian Journal of Suicidology. 1997. Vol. 7. P. 19-21.
18. *Milcinski L., Mrevlje G.* Epidemiologija samoubistva u Jugoslaviji — metodoloska pitanja // Medicinski pregled. 1990. Vol. 43. No. 11-12. P. 453-456.
19. *Morselli H.* Suicide: An essay on comparative moral statistics. New York: D. Appleton, 1903.
20. *Obrębski J.* Dzisiejsi ludzie Polesia i inne eseje. Warszawa: Wydawnictwo IFiS PAN, 2005.
21. *Preti A., Miotto P.* Death by homicide in Italy, 1980-1994: Age and gender differences among victims // Medicine Science Law. 2000. Vol. 40. P. 233-240.
22. *Preti A., Miotto P.* Social and economic influence on suicide // Archives of Suicide Research. 1999. Vol. 5. P. 141-156.
23. *Putnam R.D.* Making democracy work: Civic traditions in modern Italy. Princeton: Princeton University Press, 1993.
24. *Vovelle M.* Ideologies and mentalities. Cambridge: Polity Press, 1990.
25. *Walberg P., McKee M., Shkolnikov V., Chenet L., Leon D.* Economic change, crime, and mortality crisis in Russia: regional analysis // British Medical Journal. 1998. Vol. 317. P. 312-318.